

Кристофер Прист Голова и рука

<http://www.ladoshki.com>

Содержание

Кристофер Прист

Голова и рука

Тем утром, как обычно, мы гуляли в парке. Побелевшая после ночных заморозков трава хрустела под ногами. Над головой раскинулось чистое, без единого облачка, небо; длинные голубые тени лежали на нашем пути. За ними тянулся шлейф оставляемого дыханием пара. Тишина и покой царили в парке. Мы были одни.

Утренние прогулки проходят по давно заведенному маршруту, и поэтому, добравшись до конца тропинки у подножия отлогого холма, я навалился всем телом на рычаги и приготовился развернуть кресло-коляску. Вместе с сидящим в ней хозяином коляска весит немало и доставляет мне массу хлопот, хотя я не могу назвать себя хилым.

В тот день настроение хозяина оставляло желать лучшего. Прежде чем отправиться на прогулку, он твердо заявил, что я должен довести его до заброшенной летней сторожки, но теперь, увидев мои попытки приподнять коляску, он энергично замотал головой.

– Нет, Ласкен! – сказал он раздраженно. – Сегодня мы отправляемся к озеру. Я хочу увидеть лебедей.

– Конечно, сэр, – ответил я, оставив свои потуги, и мы продолжили прерванный путь. Я ждал, пока он ска-

жет что-нибудь еще. Обычно резкие, грубые приказы он несколькими минутами позже смягчал более спокойным замечанием. Наши отношения были чисто деловыми, но память о годах, проведенных вместе, еще сказывалась на нашем поведении и поступках. Мы – ровесники, и вышли из одной социальной среды, но его карьера сильно изменила нас и наши отношения.

Я ждал. Наконец он обернулся и произнес:

– Парк сегодня прекрасен, Эдвард. Днем, до того, как станет жарко, мы просто обязаны прогуляться вместе с Элизабет. Смотри, какие деревья. Черные, окоченевшие...

– Да, сэр, – ответил я, разглядывая лес по правую сторону. Купив это поместье, он первым делом вырубил все вечнозеленые деревья, а остальные обрызгал какой-то дрянью, чтобы остановить их рост, но со временем деревья снова зазеленели, вынуждая хозяина проводить летние месяцы, не выходя из дому, с закрытыми наглухо ставнями и опущенными шторами. Только с приходом осени он возвращался к прогулкам на свежем воздухе и наблюдал с какой-то одержимостью, как опадают и обреченно кружатся над землей оранжевые и бурые листья.

Обогнув опушку, мы вышли к озеру. Парк был разбит на бугристом, тянущемся до самого озера склоне. Дом стоял на самой вершине холма. В сотне метров от воды я оглянулся и увидел спешащую к нам Элизабет,

подол ее длинного коричневого платья волочился по замерзшей траве.

Зная, что Тодд не может ее увидеть, я решил промолчать.

Мы остановились на берегу. За ночь озеро покрылось тонкой коркой льда.

– Лебеди, Эдвард. Где же они?

Он повернул голову и коснулся губами одного из тумблеров. Встроенные в основание коляски батареи тотчас привели в действие силовые устройства, и спинка коляски плавно скользнула вверх, перемещая Тодда в сидячее положение.

Он ворочал головой из стороны в сторону. Выражение крайнего недовольства перекосило его безбровое лицо.

– Ласкен, найди их гнезда. Я должен увидеть сегодня лебедей.

– Лед, сэр, – ответил я. – Вероятно, это заставило их покинуть озеро.

Услышав шелест шелка, скользящего по траве, я вновь обернулся. Неподалеку от нас, держа в руках конверт, стояла Элизабет. Она показала его и вопросительно посмотрела на меня. Я молча кивнул: тот самый. Слабая улыбка осветила ее лицо и тут же исчезла. Хозяин еще не знал, что она здесь. У него не было ушных раковин, и звуки он воспринимал неясно и расплывчато.

Элизабет величаво, что так нравилось Тодду, прошла мимо меня и встала перед ним. Казалось, ее появление несколько не удивило его.

– Тодд, тебе письмо, – сказала Элизабет.

– Позже, – ответил он. – Ласкен разберется. У меня сейчас нет времени.

– Я думаю, оно от Гастона. Как будто его бумага.

– Тогда читай.

С этими словами он резко качнул головой назад, давая понять, что мне следует уйти. Я покорно отступил туда, где он вряд ли мог видеть или слышать меня.

Элизабет наклонилась и поцеловала его в губы.

– Тодд, что бы там ни было, пожалуйста, не делай этого.

– Читай.

Она надорвала конверт большим пальцем и вытащила сложенный втрое лист тонкой бумаги. Я уже знал содержание письма. Накануне Гастон прочитал мне его по телефону. Мы обговорили детали. Добиться большей цены было невозможно, даже для Тодда: возникли трудности с телевидением, а также осложнения, связанные с возможным вмешательством французского правительства.

Письмо Гастона было коротким. В нем говорилось об огромной популярности Тодда и о том, что театр Алхамбра предлагает восемь миллионов франков за еще одно выступление. Я прислушивался к голосу Элиза-

бет и восхищался ее спокойствием. Она предупредила меня, что читать это письмо Тодду будет выше ее сил.

Когда она закончила, Тодд попросил прочитать еще раз. Элизабет исполнила просьбу, потом положила развернутый листок ему на колени, коснулась губами его лица и направилась к дому. Проходя мимо, она на мгновение задержала свою руку на моей. Несколько секунд я наблюдал за Элизабет, любуясь стройной фигурой, окутанной солнечным светом и ореолом пышных, развевающихся на ветру волос.

Хозяин замотал головой.

– Ласкен! Ласкен!

Я подошел.

– Ты видишь?

Я поднял письмо и, повертев, сказал:

– Я немедленно отвечу Гастону. Не может быть и речи об этом.

– Нет, нет. Я должен все взвесить. Мы всегда должны все взвешивать. Слишком много поставлено на карту.

– Это невозможно, – стоял я на своем. – Ты не можешь больше выступить.

– Могу. – Я впервые слышал, чтобы он говорил таким тихим голосом. – Надо лишь найти способ.

В нескольких метрах от нас, среди тростниковых зарослей, я заметил птицу. В явном замешательстве, переваливаясь, она шлепала по льду. Отцепив один

из длинных шестов, подвешенных на спинке коляски, я проковырял им небольшую полынью. Шум вспугнул птицу. Скользнув по льду, она взлетела.

Я вернулся к Тодду.

– Ну вот. Если будет хоть немного чистой воды, лебеди смогут вернуться.

Тодд был возбужден.

– Театр Алхамбра! Что же делать?

– Я поговорю с твоим адвокатом. То, что театр предлагает тебе, просто безумие. Они же прекрасно знают: ты не можешь вернуться.

– Да, но восемь миллионов франков!

– Когда-то ты сказал, что деньги не имеют для тебя значения.

– Нет, это не ради денег и не ради публики. Здесь... все сразу.

Мы оставались на берегу, пока солнце не поднялось выше. Бледные краски парка, тишина и покой немного подбодрили меня. Чистая, звенящая радость казалась противоядием этому дому и парку, с первого же дня угнетавшим меня.

Только мимолетная прелесть утра – замерзшее, хрупкое спокойствие – могла всколыхнуть во мне что-то.

Хозяин замолчал, вернул спинку коляски в горизонтальное положение и закрыл глаза. Но я знал, что он не спит.

Оставив его, я побрел вдоль берега, стараясь не спускать с коляски глаз. Меня мучил вопрос: сможет ли он отвергнуть предложение театра? Если это произойдет, сорвется грандиозное представление.

Время было выбрано как нельзя лучше. Тогда не видели четыре с половиной года. Общественность ждала, подготовленная телевидением и прессой, которые нещадно критиковали его многочисленных подражателей и требовали возвращения мастера. Все это не ускользало от внимания хозяина. Был только один Тодд Альборн, и только он мог зайти так далеко. Ему нет равных.

Все шло хорошо. Оставалось лишь добиться согласия Тодда.

Со стороны коляски донесся звук электрического клаксона. Я вернулся.

– Мне надо увидеть Элизабет.

– Ты же знаешь, что она скажет.

– Да, но я должен поговорить с ней.

Я развернул коляску. Начался длинный и трудный подъем к дому.

Не успели мы отойти на порядочное расстояние, как я увидел вдалеке белых птиц. Они летели навстречу. Я надеялся, что Тодд не заметит их.

В лесу он крутил головой из стороны в сторону. На ветках уже набухли почки, готовые лопнуть в ближайшие недели, но казалось, что он видел только голые

Черные сучья – застывшую геометрию сонных деревьев.

Добравшись до дома, я втащил его в кабинет и пересадил из коляски для прогулок в домашнюю, моторизованную. Остаток дня он провел с Элизабет, а мне удалось увидеть ее, только когда она спускалась вниз за едой, которую я готовил. Тех коротких минут хватало лишь на то, чтобы обменяться взглядом, сплести на мгновение пальцы, торопливо поцеловаться. Она ничего не могла сказать о том, что решил Тодд.

Хозяин рано отправился спать. С ним ушла и Элизабет. Они не спят вместе уже лет пять, но комнаты находятся рядом.

Она долго и тщательно прислушивалась к звукам из соседней комнаты, прежде чем выбраться из постели и прийти ко мне. Мы занимались любовью, а потом, сцепив руки, лежали умиротворенно, окруженные темнотой, и тогда Элизабет тихо произнесла:

– Он еде тот это. Я ни разу не видела его таким возбужденным за все эти годы.

Я познакомился с Тоддом, когда нам было по восемнадцать лет. Несмотря на то, что семьи знали друг друга, нас свел случай. Произошло это в Европе, во время каникул. Мы не сразу, стали близкими друзьями, но я нашел его общество вполне приятным, и по возвращении в Англию старался не терять с ним связи.

Я не восхищался им, но и не сопротивлялся его оба-

янию. Он фанатично и страстно отдавался всему, за что брался, и если уж что-то начинал, остановить его было невозможно. Он имел несколько неудачных любовных интрижек, неоднократно терял большие деньги, пытаясь начать собственное дело. В нем ощущалась какая-то разбросанность, бесцельность.

Разделила нас его внезапная популярность. Никто не ожидал этого, и меньше всех сам Тодд. Но зато уж распознав открывающиеся возможности, он цепко ухватился за них.

Когда все началось, меня рядом не было, но вскоре мы встретились, и он поведал о том, что произошло. Я поверил, хотя его рассказ отличался от того, что говорили другие.

В тот вечер он пьянствовал с друзьями. Один из его товарищей здорово порезался и потерял сознание. В возникшей суматохе кто-то поспорил с Альборном, что он не сможет добровольно нанести себе подобное увечье.

Тодд, не долго думая, сильно полоснул ножом по предплечью и забрал деньги. Неизвестный предложил удвоить ставку, если Тодд ампутирует себе палец.

Положив левую руку на стол, Тодд отрезал указательный палец. А несколькими минутами позже, когда незнакомец уже ушел, он отрубил еще один. На следующий день эта история попала на телевидение, и Тодда пригласили в студию. Во время прямой трансляции

он, не обращая внимания на яростные протесты ведущего, повторил операцию.

Именно последовавшая за этим реакция – шок, вызвавший у зрителей непреодолимое желание увидеть все снова, и истеричное осуждение прессы – открыла ему огромный потенциал такого рода представлений.

Найдя импресарио, он отправился в турне по Европе, нанося себе увечья перед щедро платящей публикой.

И вот тогда, наблюдая за рекламной суетой и узнавая о суммах, которые он начал получать, я сделал попытку отстраниться от всех его дел. Я всячески ограждал себя от связанных с ним новостей и слухов и пытался не замечать его многочисленных публичных выступлений. То, что делал Тодд, вызывало у меня отвращение, а его врожденное умение развлекать толпу раздражало еще больше.

Год спустя после нашего взаимного отчуждения мы встретились вновь. Точнее, Тодд нашел меня, и я, как ни старался, не смог удержать дистанцию.

За это время он женился, и поначалу Элизабет вызывала у меня только неприязнь. Мне казалось, что она любит Тодда – так же, как и жаждущая крови публика – лишь за его одержимость. Но чем лучше я узнавал ее, тем ярче и отчетливее она представлялась мне в роли спасительницы мужа. Когда я понял, что она так же уязвима, как и Тодд, то согласился работать на не-

го. Правда, сначала я отказался помогать ему во время представлений, но позднее стал делать то, что он хотел. Виной тому – Элизабет.

Когда я начал работать на Тодда, он уже был калеккой. После первых выступлений некоторые из отрезанных органов удавалось приживить, но возможности и количество таких операций были ограничены. Во время лечения Тодд не давал никаких представлений.

Левой руки ниже локтя не было, зато левая нога сохранилась почти полностью, за исключением двух пальцев. Правая нога осталась целой. Он был скальпирован и не имел одного уха. На правой руке было лишь два пальца: большой и указательный.

В таком состоянии Тодд уже не мог производить ампутации самостоятельно и, несмотря на нанимаемых для участия в шоу ассистентов, требовал, чтобы я приводил в действие гильотину. Он подписал бумагу, в которой говорилось, что я являюсь исполнителем его воли, и продолжил свою деятельность.

В течение двух лет все так и шло. Испытывая явное презрение к собственному телу, Тодд, однако, нанимал самых опытных врачей, которых только мог найти, и перед каждым представлением проходил тщательное медицинское обследование.

Но возможности человека не беспредельны.

На последнем выступлении, сопровождаемом невиданным всплеском рекламы и оскорбительных напа-

док, Тодд отрубил половые органы. После этого он долгое время провел в частной лечебнице. Элизабет и я всегда были рядом. Когда он купил поместье Рейсин в пятидесяти милях от Парижа, мы переехали туда, чтобы с первого же дня стать участниками маскарада: мы притворялись, что карьера Тодда достигла апогея, хотя каждый из нас прекрасно сознавал, что внутри этого безногого и безрукого, скальпированного и кастрированного человека еще горит огонь для последнего безумного представления.

За воротами парка мир ждал мастера. И Тодд знал это. И мы знали тоже.

Тем временем жизнь продолжалась.

Я сообщил Гастону, что Тодд согласен. На подготовку мы оставили три недели. Сделать предстояло многое.

Взвалив рекламные хлопоты на Гастона, мы с Тоддом приступили к разработке и созданию специального оборудования. В прошлом я испытывал крайнее отвращение к подобной работе. Приготовления всегда служили поводом для ссор с Элизабет: она не выносила даже разговоров об этих жутких инструментах.

На сей раз такого не произошло. Наша работа была почти окончена, когда она неожиданно попросила меня показать то, что мы делаем. Той же ночью, удостоверившись, что Тодд уснул, я провел ее в мастерскую. Около десяти минут она ходила от одного инструмента

к другому, трогая их гладкие поверхности и блестящие лезвия.

Потом она спокойно посмотрела на меня и кивнула.

Я разыскал людей, когда-то ассистировавших Тодду, и договорился об участии в представлении. Из телефонных разговоров с Гастоном я узнал о волне слухов, предвосхищающих возвращение Тодда.

Сам мастер был переполнен энергией и волнением. Несколько ночей он не мог заснуть и звал Элизабет. Эти три недели она не приходила ко мне. Я сам навещал ее, оставаясь на часок-другой.

Утром в день представления я поинтересовался, на чем собирается Тодд ехать в театр: в специально сданной для него машине или в карете. Как всегда Тодд выбрал последнее.

Мы рано собрались и отъехали, зная, что в пути нас не раз остановят яростные почитатели Тодда.

Его разместили рядом с кучером, усадив на удобное, устроенное для него кресло. Я и Элизабет сели позади; ее рука – на моем колене. Иногда Тодд оборачивался к нам и что-то говорил, и тогда либо она, либо я наклонялись вперед, чтобы выслушать его и, если надо, ответить.

Выбравшись на дорогу, ведущую в Париж, мы то и дело натыкались на многочисленные группы людей: некоторые встречали мастера громкими криками и аплодисментами, некоторые стояли молча. Тодд от-

вечал на все приветствия, но когда какая-то женщина попыталась забраться в карету, он разволновался и заорал, чтобы я избавил его от этого.

Только раз он допустил близкий контакт со своими поклонниками. Это произошло, когда мы остановились сменить лошадей. Тогда он говорил долго, многословно и был чрезвычайно любезен, но я чувствовал, что он сильно устал.

Все планировалось очень тщательно, и поэтому, когда мы прибыли к театру Алхамбра, полиция уже блокировала напирющую массу людей, оставив свободным один проход, чтобы только протащить коляску Тодда. Экипаж остановился. Раздались аплодисменты.

Поглядывая на истеричную толпу, я вкатил Тодда через служебный вход. Элизабет шла за нами. В фойе Альборн профессионально улыбался налево и направо, принимая эту истерию как должное, и, казалось, совсем не замечал маленькой, но решительно настроенной кучки людей – они держали в руках плакаты и громко выкрикивали написанные на них лозунги протеста.

В гардеробной нам удалось немного расслабиться. До начала шоу оставалось два с половиной часа. Тодд вздремнул, потом Элизабет искупала его и переодела в сценический костюм.

Минут за двадцать до нашего выхода к нам зашла женщина из служебного персонала театра и преподне-

сла Тодду букет цветов. Их приняла Элизабет и неуверенно, хорошо зная его нелюбовь к цветам, положила перед мужем.

– Спасибо, – кивнул он в ответ. – Цветы. Какие прекрасные краски.

Через пятнадцать минут пришел Гастон в сопровождении менеджера театра. Они оба пожали мне руку. Гастон поцеловал Элизабет в щеку, а менеджер попытался завязать с Тоддом разговор. Тодд не отвечал, и чуть позднее я заметил, что по лицу менеджера катятся слезы. Мастер пристально рассматривал всех нас.

Он заранее объявил, что не должно быть никаких церемоний, предшествующих представлению, никаких речей и никаких интервью. Все должно точно следовать продиктованной мне инструкции. С другими ассистентами в течение всей последней недели проводились репетиции.

Он повернулся к Элизабет. Она нежно поцеловала его. Я отвернулся.

Прошло около минуты, прежде чем Тодд произнес: – Все в порядке, Ласкен. Я готов.

Я взялся за ручки коляски и, выкатив ее из гардеробной, направился по коридору к кулисам. Из зала донесся мужской голос, что-то произнесший по-французски, и раздался рев. В животе у меня похолодело. Тодд оставался невозмутимым.

Появились два ассистента. Они опоясали масте-

ра специальными ремнями, напоминающими сбрую, и подняли его. Ремни были связаны двумя тонкими тросами с блоком, спрятанным в верхней части сцены. Управляя блоком, можно было перемещать Тодда по воздуху. После этого ему пристегнули четыре муляжа, имитирующие конечности.

Он кивнул головой – дал знак приготовиться. На секунду я увидел выражение глаз Элизабет и, хотя Тодд не смотрел на нас, не ответил ей.

Я выступил на сцену. Раздался женский визг, и весь зал поднялся на ноги. Сердце бешено билось.

Оборудование уже стояло на сцене, скрытое тяжелыми бархатными покрывалами. Я поклонился публике и, медленно обходя сцену, начал снимать их с механизмов.

Аудитория при этом одобрительно шумела. Голос менеджера трещал в громкоговорителе, умоляя зрителей занять свои места. Я остановился и стоял неподвижно, пока все не успокоилось, зная из прошлого опыта, что любое мое движение возбуждает их еще больше. Вид этой аппаратуры вызывал у меня отвращение, но зал наслаждался блеском новых, острых, как бритва, лезвий.

Я подошел к рампе.

– Mesdames. Messieurs. – Моментально наступила тишина. – Le maitre!

Стараясь не обращать внимания на публику, я шел

по авансцене, указывая на Тодда. Он болтался в своей упряжи там, за кулисами. Рядом стояла Элизабет. Они не разговаривали и не смотрели друг на друга. Опустив голову, он слушал зал.

Зал молчал.

Проходили секунды, а Тодд все ждал. Раздался чей-то тихий голос. И вдруг зал взорвался.

Тут же Тодд кивнул ассистенту, и тот, ловко управляя блоком, вытащил мастера на сцену.

Это было жуткое и неестественное зрелище. Он плыл, подвешенный на ремнях; пристегнутые искусственные ноги цепляли покрывающий сцену брезент, руки висели, словно плети. И только голова шевелилась, приветствуя собравшихся.

Я ждал аплодисментов, но с появлением Тодда снова все стихло. Это молчание всегда вселяло в меня ужас. Я успел забыть о нем за четыре с половиной года.

Тодда подтянули к кушетке, установленной с правой стороны сцены, и я помог уложить его. Один из помощников – квалифицированный врач – провел короткий осмотр.

Он что-то написал на листе бумаги и вручил мне, затем подошел к краю сцены и обратился к залу:

– Я осмотрел мастера. Он в здравом уме и полностью владеет собой. Он прекрасно осознает то, что намерен совершить. И я подписываюсь под всем, что ска-

зал вам.

Тогда подняли еще раз и пронесли от одного инструмента к другому. Убедившись, что все готово, он кивнул.

Его вынесли на авансцену, и я отстегнул ему ноги. Они упали. Несколько мужчин в зале судорожно вздохнули.

Потом я отстегнул руки.

Среди оборудования, установленного на сцене, был длинный стол с укрепленным над ним большим зеркалом. Я выкатил этот стол вперед, опустил на него. Тогда и, освободив ремни, дал знак, чтобы их убрали. Теперь надо было расположить мастера так, чтобы он лежал головой к зрителям, а его тело было бы видно им в зеркале. Я работал в напряженной тишине. Я не смотрел в зал и не смотрел за кулисы. Я потел. Тогда молчал.

Оказавшись, наконец, в нужном положении, он кивнул мне; я повернулся к зрителям и поклонился. Раздались редкие аплодисменты, впрочем, быстро смолкшие.

Я отступил назад и стал наблюдать за Тоддом. Он снова прислушивался к реакции зала. В подобном представлении, состоящем из одного-единственного действия, да и к тому же безмолвного, для достижения большего эффекта необходимо предельно точно улавливать настроение публики. Только один из

выставленных здесь механизмов будет использован. Остальные же – просто антураж.

Зал опять умолк, но в тишине таилось беспокойство. Я ощущал, как все вокруг настороженно замерло; одно движение – и произойдет взрыв. Тодд кивнул мне.

Я снова обошел сцену, переходя от одного механизма к другому. Я гладил ладонью лезвия, словно пробуя их остроту, и вскоре почувствовал, что публика готова. Самое время. Тодд это чувствовал тоже.

Аппарат, который он выбрал, представлял собой гильотину, сделанную из трубчатого алюминия, с ножом из превосходной нержавеющей стали. Я подкатил гильотину и скрепил скобами со столом, потом проверил крепления и осмотрел стопорящий механизм.

Тодд лежал так, что его голова свешивалась со стола, а шея находилась точно под ножом. Тщательно продуманная конструкция гильотины не мешала зрителям видеть в зеркале лежащего.

Я раздел его.

Раздался вздох, когда зал увидел многочисленные шрамы Тодда, и вновь наступила тишина. Я подцепил проволочную петлю, отходящую от стопорящего механизма, туго затянул ее на его языке и подтянул провисшую проволоку. На мой вопрос, готов ли он, Тодд утвердительно кивнул и невнятно произнес:

– Эдвард. Подойди ближе.

Я наклонился, почти касаясь его лицом. Для этого

мне пришлось сунуть голову под нож, что было встречено в зале одобрительным гулом.

– Да?

– Я все знаю, Эдвард. О тебе и Элизабет.

Я посмотрел за кулисы, где стояла она, и спросил:

– И ты все же хочешь?..

Он снова кивнул, на этот раз более энергично. Проволочная петля на языке затянулась, раздался щелчок, и гильотина сработала. Тодд едва не поймал меня. За мгновение до того, как рухнул нож, я отпрыгнул в сторону, и теперь, отвернувшись от стола, стоял и в отчаянии смотрел на Элизабет. Пронзительные крики наполнили театр.

Элизабет вышла на сцену, не сводя глаз с лежащего на столе тела. Я подошел к ней.

Сердце Тодда еще билось, и из перерезанной шеи толчками вырывалась густая кровь. Скальпированная голова слегка раскачивалась на проволоке. Глаза широко открыты. Язык почти выдран из глотки.

Элизабет и я одновременно повернулись к зрителям. Не прошло и пяти секунд, но уже поднялась паника. Несколько человек лежали в обмороке; остальные вскочили. Шум стоял невероятный. Все рванулись к дверям. На сцену никто не смотрел. Они сбивали друг друга с ног. В истерике, срывая с себя одежду, билась женщина. Никто не обращал на нее внимания. Я услышал выстрел и невольно присел, увлекая за со-

бой Элизабет. Женщины визжали; мужчины кричали. Слышалось потрескивание громкоговорителя. Внезапно двери распахнулись, и вооруженная полиция ворвалась в зал. Все шло по сценарию. Когда полиция атаковала толпу, та подалась назад. Раздалось еще несколько выстрелов.

Пора было уходить. Я взял Элизабет за руку и увел со сцены.

Из окна гардеробной мы видели, как полиция разгоняет людей на улице, применяя слезоточивый газ и дубинки. Несколько человек были убиты. Над театром завис вертолет.

Мы не разговаривали. Элизабет плакала. Ради собственной безопасности нам пришлось оставаться в здании театра еще около двенадцати часов. На следующий день мы вернулись в поместье Рейсин. К тому времени на деревьях в парке уже появились первые листья.